

Б. М. ЭЙХЕНБАУМ

О П. Н. БЕРКОВЕ

Каждому литературоведу, филологу, библиографу хорошо знакомо имя профессора Павла Наумовича Беркова — и, конечно, не только его имя, но и его работы. Однако эти работы так многочисленны и так разнообразны по темам, что вряд ли найдется человек, который читал всё, напечатанное Павлом Наумовичем за сорок лет его литературной и научной деятельности.¹ От древнерусской словесности до Чехова, Горького, Куприна — таков диапазон его интересов и занятий.

Научная разносторонность и работоспособность Павла Наумовича настолько поразительны, что в отдаленном потомстве может, пожалуй, возникнуть гипотеза о нескольких П. Н. Берковых: один — удивительный знаток русской литературы XVIII в., другой — автор книг и статей о русских писателях конца XIX в., третий — исследователь Козьмы Пруткова, четвертый — крупнейший библиограф и историк книги; а еще П. Н. Берков — специалист по литературе народов СССР, а еще П. Н. Берков — автор, например, статьи «Гюи де Мопассан и французский реалистический роман», написанной с большим знанием дела и с большими историко-литературными обобщениями. Если раньше принято было говорить: «Nulla dies sine linea» (т. е. «ни дня без строчки»), то в отношении Павла Наумовича придется сказать иначе: «Nulla dies sine folio — minimum!».

Все это, конечно, плод блестящих способностей, блестящей памяти, огромных знаний и огромного, непрерывного творческого труда. Но не в этом одном заключается своеобразие научной индивидуальности Павла Наумовича. Во всей его деятельности есть одна черта, которая придает его работам и даже его поведению особый характер стремительности, беспокойства. Эта черта — напряженные поиски методологического совершенства, страстная мечта о достижении литературоведческих высот. В книге Павла Наумовича «Введение в технику литературоведческого исследова-

¹ Статья Б. М. Эйхенбаума написана в 1956 г. — *Ред.*

ния» (1955) есть одна характерная в этом смысле главка, окрашенная неожиданной научной лирикой: «О том, как работали некоторые крупные литературоведы» (стр. 39—43). Эти страницы проникнуты чувством высокой зависти к тем предшественникам, которые «умели много, упорно, настойчиво и плодотворно работать»: «Культура научного труда у них (у А. Н. Пыпина, А. Н. Веселовского, Ф. И. Буслаева, Н. С. Тихонравова, Л. Н. Майкова) развивалась со студенческих лет, ей придавали они большое значение и вырабатывали у себя достойные уважения и подражания привычки». У них, как подчеркивает Павел Наумович, не было секретарей: «Всё делали они сами, не доверяя никому, даже самым надежным помощникам».

И при этом невольно обращаешь внимание на обилие печатных работ у них: Пыпиным при жизни было напечатано 1141 произведение... Они умели выбирать значительные, серьезные темы для своих исследований и даже заметок... Они уважали свою литературно-научную деятельность и не разменивали «на мелочи»... Они никогда не писали, если не чувствовали, что могут по данному вопросу сказать нечто новое, нужное, ранее неизвестное и в какой-то мередвигающее науку дальше».

За всей этой лирикой скрывается тревога за судьбы литературоведения. Глубоко ошибаются те, кто, быть может, представляет себе П. Н. Беркова спокойным, самоуверенным и самоудовлетворенным академическим ученым. Ничего подобного! Это человек лихорадочной, фанатической деятельности, целиком проникнутой стремлением к идеалу.